

М.В. Легеев

ЕВХАРИСТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ У СВ. ИГНАТИЯ АНТИОХИЙСКОГО

В статье раскрывается евхаристологический характер богословия посланий св. Игнатия Антиохийского. Евхаристические образы в текстах посланий скрыты за «оболочкой» наставлений, утешений, увещеваний, внешним поводом к которым явилось шествие св. Игнатия на казнь; так или иначе они затрагивают проблематику многих позднейших вопросов евхаристологии, включая актуальную в наше время тематику преложения Святых Даров.

Ключевые слова: Евхаристия, св. Игнатий Антиохийский, Тело Христово, Святые Дары, преложение, пресуществление, хлеб, вино.

Уже со времен апостольских Евхаристия становится одной из главных тем богословия Церкви. В этот ранний период, период апостолов и мужей апостольских, церковное богословие носит характер не апологетический и не охранительно-полемический, как будет позднее, а характер апостольский, общеучительный, катехизаторский, экзегетический, характер наставления просвещаемых и верных в христианских истинах. Таково и то евхаристическое богословие, которое мы находим в текстах этого периода. По преимуществу именно такой, катехизаторский характер сохранит святоотеческое богословие Евхаристии и в последующие времена, в отличие от многих других областей догматического знания.

Тема Евхаристии у свщмч. Игнатия развивается из тем «*подражания Христу*» и «*евхаристического единства*». Вообще, темы подражания Христу и евхаристического единства являются главными во всех посланиях свщмч. Игнатия. Тема евхаристического единства берется им очень широко и многопланово; евхаристия, согласно свщмч. Игнатию, есть «мир»¹, есть залог «единомыслия»

Михаил Викторович Легеев — студент III курса Богословского отделения Санкт-Петербургской православной духовной академии.

¹Приветствие: «Игнатий Богоносец <...> святой Траллийской в Азии Церкви, <...> наслаждающейся миром во плоти и крови и страдании Иисуса Христа, [курсив наш. — М.Л.] <...> желает премного радоваться» (Игнатий Антиохийский, свщмч. Послание к траллийцам // Писания мужей апостольских. М., 2003. С. 347 (285)). Далее все цитаты из св. Игнатия Антиохийского даются по данному изданию.

«Старайтесь чаще собираться для Евхаристии. <...> Нет ничего лучше мира» [курсив наш. — М.Л.] (Игнатий Антиохийский, свщмч. Послание к ефесеянам. С. 337 (275)).

и «единения плоти и духа»². У свщмч. Игнатия почти отождествляются Евхаристия и Церковь. Даже более того: Церковь, Евхаристия, церковные члены — все это составляет одно чудесное единство, реальность жизни Иисуса Христа; все это есть Христос.

Так, Церковь, собрание верных, составляет из себя «как бы один *жертвенник*, как бы одного Иисуса Христа»³, — наставляет свщмч. Игнатий. Он утверждает эту неразрывность Церкви и Евхаристии и он призывает членов Церкви к такому состоянию, к тому, чтобы они истинно составляли из себя единство Церкви — чтобы они составляли из себя евхаристическое единство Тела Христова в Его Жертве.

Это соборное и евхаристическое по своему характеру, скрепленное Кровью Христовой, единство Церкви есть истинное и высшее «утверждение в любви»⁴, есть «единение веры и любви» во Иисусе Христе⁵. Но и саму Евхаристию свщмч. Игнатий образно называет «верою» и «любовью»⁶, «любовью нетленною», самим этим выражением еще раз подчеркивая неразрывность Евхаристии и Церкви, понятийную неразличенность того и другого.

Вера, любовь, добрая совесть, единомыслие, единокордная жертвенность — все это однако есть *не только плод Евхаристии*, ее свойства, ее выражение, свидетельство о ней, все это есть для человека и *необходимое условие* участия

²«Укрепляйтесь в единомыслии с Богом, *имея неразделенный дух* [курсив наш. — М.Л.], который есть Иисус Христос» (*Игнатий Антиохийский, свщмч.* Послание к магнезийцам. С. 346 (284)).

«Молось, чтобы в них (Церквах) было *единение по плоти и духу* [курсив наш. — М.Л.] во Иисусе Христе» (Там же. С. 341 (279)).

³«*Все вы составляйте из себя как бы один жертвенник* [курсив наш. — М.Л.], как бы одного Иисуса Христа» (Там же. С. 343 (281)).

⁴«Я узнал, что вы непоколебимо тверды в вере, как будто пригвождены ко Кресту Господа Иисуса и плотью и духом, *утверждены в любви кровью Христовою* и преисполнены веры в Господа нашего» (*Игнатий Антиохийский, свщмч.* Послание к смирнякам. С. 364 (302)).

⁵*Игнатий Антиохийский, свщмч.* Послание к траллийцам. С. 350 (288); *Игнатий Антиохийский, свщмч.* Послание к смирнякам. С. 366 (304).

⁶«Они [еретики] удаляются от Евхаристии и молитвы, потому что не признают, что Евхаристия есть плоть Спасителя нашего Иисуса Христа, которая пострадала за наши грехи, но которую Отец воскресил по своей благодати. Таким образом, отмечая *дар Божий*, они умирают. <...> Им надлежало бы держаться *любви* (Евхаристии), чтобы воскреснуть» (*Игнатий Антиохийский, свщмч.* Послание к смирнякам. С. 366–367 (304–305)).

в евхаристической трапезе⁷. «Кто не внутри *жертвенника* (не внутри церковного соборного единства любви), тот лишает себя *хлеба Божия* [курсив наш. — М.Л.]»⁸, — говорит свщмч. Игнатий, указывая на свободную волю человека. Труд каждого члена Церкви, его личное усилие, есть необходимое условие гармонии этого соборного и евхаристического единства. Таким образом, это человеческое участие, человеческое действие, должно иметь *соборный характер*⁹. «Составляйте же из себя вы все до одного хор, — обращает свой призыв к христианам свщмч. Игнатий, — чтобы Отец услышал вас и по добрым делам вашим признал вас *членами Своего Сына* [курсив наш. — М.Л.]»¹⁰. И тогда Евхаристия, *та же самая* плоть Господа Иисуса Христа, преданная за нас, умершая и воскресшая однажды в истории¹¹, станет вашей плотью, видимо являя и благодать Божию, и совершенную человеческую природу Христа в жизни Церкви.

Но проповедуя евхаристическую сотериологию соборного единства, свщмч. Игнатий, тем не менее, основной упор, основной пафос своей проповеди, основное внимание читателя направляет и обращает на то, что должно произойти в конкретном, отдельно взятом человеке. Сотериология личного спасения, личной жертвы, утверждаемая свщмч. Игнатием, не противоречит его сотериологии соборного и евхаристического единства, а напротив, развивает и углубляет ее. Более того, для нас она служит источником ряда важных, евхаристических по своему характеру, образов.

⁷ «Стяжавши кротость, *утвердите себя взаимно* в вере, которая есть плоть Господа, и в любви, которая есть кровь Иисуса Христа. Никто из вас да не имеет ничего против ближнего своего» (Игнатий Антиохийский, свщмч. Послание к траллийцам. С. 350 (288)).

«Все вы <...> соединены в одной вере и во Иисусе Христе, <...> *преломляя один хлеб*, это — *врачевство бессмертия*, не только предохраняющее от смерти, но и дарующее вечную жизнь во Иисусе Христе» (Игнатий Антиохийский, свщмч. Послание к ефесянам. С. 340 (278)).

«Кто внутри *алтаря*, тот чист, а кто вне его [вне Церкви и евхаристии], тот нечист <...> *нечист совестью*» (Игнатий Антиохийский, свщмч. Послание к траллийцам. С. 349–350 (287–288)).

⁸ Игнатий Антиохийский, свщмч. Послание к ефесянам. С. 333 (271).

⁹ «Стяжавши кротость, *утвердите себя взаимно в вере*, которая есть плоть Господа, и в любви, которая есть кровь Иисуса Христа. Никто из вас да не имеет ничего против ближнего своего» (Игнатий Антиохийский, свщмч. Послание к траллийцам. С. 350 (288)).

¹⁰ Игнатий Антиохийский, свщмч. Послание к ефесянам. С. 333 (271).

¹¹ «Они [еретики] удаляются от Евхаристии и молитвы, потому что не признают, что Евхаристия есть плоть Спасителя нашего Иисуса Христа, *которая пострадала за наши грехи, но которую Отец воскресил по своей благодати*» (Игнатий Антиохийский, свщмч. Послание к смирянам. С. 366–367 (304–305)).

Прежде всего свщмч. Игнатий говорит о совершенной необходимости для каждого члена Церкви подражать Христу. «Постараемся быть *подражателями* Господу»¹², «будьте *подражателями* [курсив наш. — М.Л.] Иисусу Христу, как и Он — Отцу Своему»¹³, — призывает он всех верных. Св. Игнатий призывает жить «сообразно Иисусу Христу»¹⁴, «сочувствовать страданию Христову»¹⁵ и уподобляться Ему несением своего креста, принесением Богу чистой жертвы. Смерть за Христа осмысляется им как «заклание на жертвеннике»¹⁶, «добровольная смерть за Бога»¹⁷, «участие в страданиях» Христа¹⁸, «подражание страданиям» Христа¹⁹, «удобный случай» и средство к достижению Бога, к спасению²⁰. «Трудно достигнуть Бога» без этой личной жертвы²¹, — говорит свщмч. Игнатий.

Призыв св. Игнатия «подражать Христу» имеет глубокую евхаристическую основу. Подражание, уподобление Христу осмысляется свщмч. Игнатием как *жертва человека*, члена Тела Христова, *укорененная в искупительной жертве Христовой и имеющая внутреннюю теснейшую связь с евхаристической жертвою*. Так, Кровь Христова «воспламеняет» к подражанию Христу²², «как будто пригвозждает ко Кресту Господа Иисуса и плотью и духом»²³, «пре-

¹² Игнатий Антиохийский, свщмч. Послание к ефесянам. С. 336 (274).

¹³ Игнатий Антиохийский, свщмч. Послание к филладельфийцам. С. 361 (299).

¹⁴ Там же. С. 359 (297).

¹⁵ Там же. С. 359 (297).

¹⁶ «Не делайте <...> ничего (для моего земного спасения) <...> чтобы я был *заклан Богу* теперь, когда *жертвенник* уже готов» [курсив наш. — М.Л.] (Игнатий Антиохийский, свщмч. Послание к римлянам. С. 353 (291).)

¹⁷ Там же. С. 354(292).

¹⁸ «Чтобы *участвовать в Его страданиях* [курсив наш. — М.Л.], я терплю все это» (Игнатий Антиохийский, свщмч. Послание к смирнянам. С. 365 (303)).

¹⁹ «Дайте мне быть *подражателем страданий* [курсив наш. — М.Л.] Бога моего» (Игнатий Антиохийский, свщмч. Послание к римлянам. С.355 (293)).

²⁰ «Я уже не буду иметь такого удобного случая достигнуть Бога» (Там же. С. 353 (291).)

²¹ Там же. С. 353 (291).

²² «Как *подражатели Богу, воспламенившись Божественной кровью* [курсив наш. — М.Л.], вы совершенно исполнили в отношении ко мне родственное дело» (Игнатий Антиохийский, свщмч. Послание к ефесянам. С. 331 (269)).

²³ «Я узнал, что вы непоколебимо тверды в вере, как будто пригвождены ко Кресту Господа Иисуса и плотью и духом, *утверждены в любви кровью Христовою* [курсив наш. — М.Л.] и преисполнены веры в Господа нашего» (Игнатий Антиохийский, свщмч. Послание к смирнянам. С. 364 (302)).

исполняет веры» и «утверждает в (жертвенной) любви»²⁴. О подражании Христу свидетельствует и непорочное единомыслие членов Церкви — «природное свойство» совершенной человеческой природы²⁵.

Своею жертвою, Крестом «в страдании Своем Иисус Христос, — говорит свщмч. Игнатий, — призывает к Себе нас как членов Своих. Голова не может родиться отдельно без членов; и Бог обещает нам *единение, которое есть Сам Он*»²⁶. Таким образом, Господь призывает нас к жертвенному единению, *призывает нас стать «ветвями (Его) креста»*²⁷. «В истинном страдании» Христа, в соборном и личном участии в Его жертве, являет себя Церковь как организм, соединенный из ее членов, как Тело Христово²⁸.

Для самого свщмч. Игнатия эта личная христоподражательная жертва — смерть за Христа от зубов зверей. *Разрывание* и даже *полное уничтожение* человеческой плоти в этой жертве осмысляются свщмч. Игнатием через евхаристические образы.

«Я пшеница Божия, пусть измельят меня зубы зверей, чтобы я сделался чистым хлебом Христовым... сделался жертвою Богу»²⁹, — восклицает святой. Разрывание человеческой плоти зубами зверей есть для свщмч. Игнатия образ *евхаристического раздробления Святых Даров*. Здесь свщмч. Игнатий очень натуралистичен: «Огонь и крест, толпы зверей, рассечения, расторжения, раздробления костей, отсечение членов, сокрушение всего тела...»³⁰ — таковы эпитеты, используемые им. «Молюсь, чтобы [звери] <...> с жадностью бросились на меня. Я заману их, чтобы они тотчас же пожрали меня. <...> Если же добровольно не захотят, я их принужу»³¹, — такова сила желания святого к земной смерти. В чем же источник такого беспощадного натурализма, такой энергии видимого разрушения?

²⁴Там же. С. 364 (302)).

²⁵«Узнал я, что вы со всем постоянством держите непорочный и согласный образ мыслей, не во внешнем только поведении, но как *природное ваше свойство* [курсив наш. — М.Л.] <...> узнал о вас, что вы — *подражатели Богу*» (Игнатий Антиохийский, свщмч. Послание к траллийцам. С.347–348 (285–286)).

²⁶Там же. С.351 (289).

²⁷Там же. С.351 (289).

²⁸Приветствие: «Игнатий Богоносец достоблаженной Церкви Ефесской, <...> всегда *соединенной и избранной в истинном страдании*, [курсив наш. — М.Л.] <...> желаю премного радоваться о Иисусе Христе» (Игнатий Антиохийский, свщмч. Послание к ефесеянам. С. 331 (269)).

²⁹Игнатий Антиохийский, свщмч. Послание к римлянам. С. 355(292).

³⁰Там же. С. 355 (293).

³¹Там же. С. 355 (293).

У свщмч. Игнатия Антиохийского мы находим принципиальное противопоставление «плоти» и своего «я»³². Любовь к себе³³, любовь к себе как творению Божию осуществляется через смерть плоти, через «ненависть» к ней. Любовь к природе и любовь к плоти оказываются несовместимы, несмотря на то, что плоть является частью этой природы, частью человека как творения Божия, частью человеческого «я». Именно в силу этого онтологического факта, в силу того, что плоть есть часть человеческой природы, в силу этого, ни «ненависть» к плоти, ни даже сама смерть плоти не в силах *безвозвратно* уничтожить ее. Человеческая плоть евхаристически укореняется в Теле Христовом и через это становится неподвластной тому разрушению, которое духовно в своей основе. Разрушение плоти реально, но оно носит сотериологический, а не онтологический характер.

«В (Его) смерти (таится) истинная жизнь»³⁴, — говорит свщмч. Игнатий о крестной смерти Спасителя, — жизнь совершенного Божества и совершенного человечества. Перед величиною этого ипостасного «я», и соответственно, перед полнотою всей человеческой природы неразрывно соединенной с природой Божией, «плоть» оказывается чем-то *одновременно и неотъемлемым, и несущественным*. Видимое повреждение, «преломление» плоти не влечет за собой повреждения природы человека, несмотря на тот парадоксальный факт, что плоть является частью этой природы. Эти два, как будто противоречащих друг другу утверждения, единство которых мы назвали «парадоксальным фактом», составляют одну из множества *антиномий*, столь характерных для церковного богословия.

И в этом смысле очень не случаен *жертвенный натурализм* свщмч. Игнатия. И именно этот же самый натурализм видимого разрывания (представляющий уже не евхаристический образ, но прямое описание Евхаристии) мы встретим у свт. Иоанна Златоуста в его знаменитых словах: «Он дал желающим не только видеть Его, но и осязать, и есть, и касаться зубами Плоти Его, и со-

³²«Если же *окажете любовь плоти моей*, то я должен буду снова вступить на поприще» (Там же. С. 353 (291)). «Если пострадаю, значит вы *возлюбили (меня)*; если же не удостоюсь, вы *возненавидели меня*» [курсив наш. — М.Л.] (Там же. С. 356 (294)). Из этих слов мы видим, что свщмч. Игнатий противопоставляет «*свою плоть*» и «*себя*».

³³Т.е. истинная любовь к себе, любовь к себе как к творению Божию, любовь к своей природе.

³⁴«Бог во плоти, в смерти истинная жизнь, от Марии и от Бога, сперва подверженный, а потом неподверженный страданию» (*Игнатий Антиохийский, свщмч.* Послание к ефесянам. С. 334 (272)).

единяться с Ним, и насыщать Им всякое желание»³⁵. И здесь, как и у свщмч. Игнатия, эти, несомненно, чисто *антиохийские* мотивы указывают на ту же самую антиномию, подчеркивают то же отношение к плоти: с одной стороны, как к чему-то разрушающемуся³⁶, но, с другой стороны, как к чему-то неуничтожимому и живому в этом своем разрушении.

Именно эта неуничтожимость своего «я», которое обнимает всю природу человека (а следовательно, и его тела), и служит источником другого евхаристического образа у свщмч. Игнатия. Противопоставление видимого и невидимого у свщмч. Игнатия достигает такой силы, что он выражает желание и надежду на совершенное уничтожение своего тела после смерти от зубов зверей. «Тогда я буду по истине учеником Христа, когда даже *тела моего мир не будет видеть* [курсив наш. — М.Л.]»³⁷, — восклицает он. В основе такого представления лежит следующая идея: невидимый, внутренний «человек» — истинная основа человеческой природы. Ее совершенство (которое и состоит в подражании и уподоблении Христу) — залог невидимого бытия плоти. Невидимость поедаемого зверями тела, невидимость человеческой плоти приобретает евхаристические черты, становится евхаристическим образом — *образом сокрытости плоти Господа под видом хлеба*. Совершенная невидимость для мира человеческого тела, принесенного в жертву, не есть смерть — но жизнь.

«Лучше молчать и быть, нежели говорить и не быть»³⁸, — такой необычайно сильный образ, христологический по своему содержанию, мы видим у свщмч. Игнатия. Здесь молчание — символ крестной смерти Христа, символ телесного умолкания, символ кажущегося небытия. «Молчать и быть» — эти слова, сказанные о Христе, означают Его бытие во гробе. Но они относятся и к истинному бытию евхаристического Тела Христова, *невидимого* в своем истинном облике, *но воспринимаемого* нами «под видом хлеба». Как молчание Христово неизме-

³⁵ *Иоанн Златоуст, свт.* Беседа на Евангелие от Иоанна Богослова. Ч. 1. // *Иоанн Златоуст, свт.* Творения. Т. VIII. СПб., 1902. 1993 (репр.). С. 552–553.

³⁶ Св. Дионисий Ареопagit скажет, что на Кресте страдание и смерть Христовы произошли реально, а в Евхаристии — происходят в символе. Свт. Николай Мефонский, подтверждая сказанное св. Дионисием, продолжая и развивая его учение, будет учить о реальности евхаристической жертвы. Св. Николай Кавасила раскроет учение последнего, объяснив, что жертвенное заклание Христа в Евхаристии не происходит, но является раз и навсегда осуществленным и отныне пребывающим вне времени.

³⁷ *Игнатий Антиохийский, свщмч.* Послание к римлянам. С. 354 (292)).

³⁸ *Игнатий Антиохийский, свщмч.* Послание к ефесянам. С. 337 (275).

римо больше, чем слова мира, так и «невидимость» Христова неизмеримо больше, чем «видимость» мира.

Наконец богословие хриstopодражательной жертвенности свщмч. Игнатия, его желание «быть измолотым зубами зверей» и сделаться «чистым хлебом Христовым»³⁹ завершается прямым обращением к Евхаристии: «Хлеба Божия [курсив наш. — М.Л.] желаю, хлеба небесного, хлеба жизни, который есть плоть Иисуса Христа, Сына Божия, родившегося в последнее время от семени Давида и Авраама. И пития Божия желаю — крови Его, которая есть любовь нетленная и жизнь вечная»⁴⁰. Евхаристия выступает здесь как *основание* хриstopодражательной жертвы, и как ее *первообраз*. И таким образом, жертва, к которой так стремится свщмч. Игнатий, предстает перед нами и как *образ*, и как *плод* Евхаристии.

Эта жертва есть, прежде всего, основание *личного спасения* приносящего жертву (т.е самого свщмч. Игнатия), хотя этим не ограничивается ее значение. Тема евхаристического «преломления», «раздробления» осмысливается святым в плоскости личного спасения, личной жертвы человека — члена тела Христова. Уподобившись Христу, став невидимым для мира через эту жертву, свщмч. Игнатий надеется соделаться «чистым хлебом Христовым» — соприобщиться Христу в Его прославленной жизни, стать совершенным членом Его святого Тела.

Выражения «Хлеб Божий» и «чистый хлеб Христов» обозначают здесь *одно* — тело Христово. Но, при этом, в них вкладывается *разный смысл*. Если «Хлеб Божий» сказано о евхаристическом Телe Христовом, о Святых Дарах, то выражение «чистый хлеб Христов» указывает, скорее, на эkkлeзиологический аспект; оно относится здесь к человеческой природе человека, члена Церкви Христовой, всецело соединяющегося со Христом и *совершенно* входящего в Его тело. Таким образом, эkkлeзиология и евхаристология смыкаются у свщмч. Игнатия в этом понятии хлеба, человека как «чистого хлеба Христова» и Хлеба-Христа, «хлеба», который наделен всеми видимыми атрибутами земной пищи⁴¹, но который не подвластен этим атрибутам, но есть по своему внутреннему смыслу нечто совершенно иное, неуничтожимое, невидимое, сокрытое от внешнего взора. «Нет во мне огня, любящего *вещество*... Нет для меня сладо-

³⁹Там же. С. 354 (292).

⁴⁰Там же. С. 356 (294).

⁴¹Разрывание зубами зверей — у свщмч. Игнатия Антиохийского; вгрызание в плоть Христову — у свт. Иоанна Златоуста.

сти в *пище тленной*, <...> *Хлеба Божия желаю, хлеба небесного*» [курсив наш. — М.Л.]⁴², — восклицает свщмч. Игнатий, *противопоставляя временному источнику земного бытия истинный источник всецелого бытия человеческой природы*.

Но вышеуказанная евхаристическая антиномия, выражаемая в понятии «небесного Хлеба», имеет и другое измерение. И натурализм видимого *разрывания* от зубов зверей, и внешняя *невидимость* поглощенного смертью тела есть совокупный образ «*тела духовного*», — как евхаристического Тела Христа, так и будущих блаженных тел праведников. Именно как «тело духовное» Тело Христово обладает двойственностью признаков: оно и видимо и невидимо, воспринимаемо плотью и *иначе* воспринимаемо совершенным человеком. Оно и телесно, и духовно-телесно по своей природе, духовно по своему состоянию. *Все*, совершаемое нами во Иисусе Христе, духовно; таковы и дела плоти, — учит свщмч. Игнатий Антиохийский⁴³. Хотя он и не употребляет самого термина «тело духовное», однако его богословие вносит свой вклад в его позднейшее раскрытие и осмысление.

К пониманию этих понятий («небесного Хлеба» и «духовного тела») могут послужить и те антиномии, которыми буквально перенасыщен текст посланий свщмч. Игнатия. Все они имеют важное значение в его богословии; и все они христологичны, говорят о Христе, соотносятся со Христом. И они, эти антиномии, показывают, что все противоречия, которые видятся нашим разумом при обращении к Самому Христу, к Его искупительному подвигу, к евхаристической Жертве, ко многим жертвам «подражающих Христу» членов Его Тела, (укорененным в этой единой Жертве Христовой), — *все эти противоречия снимаются и пропадают в Самом Христе*, в Его непресекаемой и неумаляемой жизни, в неизменном совершенстве и полноте обеих Его природ — *Божественной и человеческой*.

⁴² *Игнатий Антиохийский, свщмч.* Послание к римлянам. С. 356 (294). Здесь «хлеб» — синоним «пищи», истинной пищи. Свмч. Игнатий здесь говорит: 1) Нет во мне движения к веществу, но ко Христу и к смертной жертве в подобии Ему. 2) Нет во мне желания питать вещество, но — напитаться Христом.

⁴³ «У вас духовно и то, что вы делаете по плоти, — говорит свщмч. Игнатий, — потому что вы все делаете во Иисусе Христе» (*Игнатий Антиохийский, свщмч.* Послание к ефесянам. С. 335 (273)).

И молчание, и слово Его — слово⁴⁴. И смерть, и жизнь Его — жизнь⁴⁵. И тьма, и свет Его — свет⁴⁶.

Но если Его молчание всегда есть слово, всегда бытийственно, и если Его смерть есть жизнь, то все иначе у нас, если мы не укоренены во Христе. Тогда все обстоит противоположным образом. Тогда наша жизнь — не жизнь, и слово — не слово, и свет — не свет. Именно такая, совершенно иная картина возникает из сравнения принадлежащего Христу и принадлежащего внешнему, сугубо «плотскому» миру. И здесь у свщмч. Игнатия возникает целая череда антитез-противопоставлений: невидимое и видимое; внутреннее и внешнее; смерть и не смерть (земная смерть)⁴⁷; жизнь и не жизнь (земная жизнь)⁴⁸; человек и не человек (плоть — еще не человек); свет и тьма; слово и молчание; принадлежащее Богу и мир.

Во всех этих многочисленных антитезах звучит одна архетипическая мысль-обобщение: «*быть и казаться*», «истинное и кажущееся». Тому, что принадлежит Богу, противопоставляется принадлежащее миру — область одновременно реального и иллюзорного, иллюзорного в силу своей совершенной онтологической беспомощности. «Мир» безвозвратно разрушается и погибает в этом разрушении; но творение, *приобщаясь к святости Христовой, под видимостью разрушения обретает и сохраняет незыблемость своего природного бытия*. Приобщаясь к святости Христовой, творение приходит к антиномичности, к согласованности противоположного в себе самом.

«Быть и казаться» — именно эта дилемма будет вдохновлять многих святых отцов, и именно она окажется не чужда многим евхаристическим образам святоотеческой мысли. Так, к ней восходят, по крайней мере, две «программ-

⁴⁴ «Лучше молчать и быть, нежели говорить и не быть. <...> Поэтому один только Учитель, Который сказал и исполнилось; и то, что совершил Он в безмолвии, достойно Отца. Кто приобрел слово Иисусово, тот истинно может слышать и Его безмолвие, чтобы быть совершенным, дабы и словом действовать, и в молчании открываться» (Там же. С. 337–338 (275–276)). «Если вы будете молчать обо мне, я буду словом Божиим» (Игнатий Антиохийский, свщмч. Послание к римлянам. С. 353 (291)). «Быть словом» здесь — уподобиться Христу, Богу Слову. Свщмч. Игнатий надеется стать «словом Божиим», погрузившись в «молчание» земной смерти за Христа.

⁴⁵ «*Не препятствуйте мне жить, не желайте мне умереть* [курсив наш. — М.Л.]. Хочу быть Божиим; не отдавайте меня миру» (Там же. С. 355 (293)).

⁴⁶ «Прекрасно мне закатиться от мира к Богу, что бы в Нем мне воссиять» (Там же. С. 353 (291)). «Пустите меня к чистому свету» (Там же. С. 355 (293)). Здесь мы видим антиномию *видимого* заката, тьмы, молчания и невидимый света.

⁴⁷ Физическая смерть не есть смерть, а *физическая жизнь не есть жизнь*.

⁴⁸ Там же. С. 355 (293).

ные» святоотеческие мысли, связанные с Евхаристией: выражение «*под видами хлеба и вина истинные Тело и Кровь Христовы*» и антитеза «*Хлеб — Христос и не хлеб (земной хлеб)*».

Только с XV в. православная традиция принимает западную формулировку «пресуществление хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы», суть и идея которой состоит в том, что *сущности хлеба и вина изменяются (прелагаются) в сущности Тела и Крови*. Однако корни такого понимания мы уже очень рано обнаруживаем у святых отцов. И началом святоотеческого понимания преложения и, так сказать, ключом к пониманию всего вопроса является вышеуказанная святоотеческая антитеза: «быть и казаться». Это противопоставление «*существенного*» и «*видимого*» неизменно присутствует у святых отцов тогда, когда разговор заходит о преложении Святых Даров. Именно в категориях «видимого» и «существенного», «видов хлеба и вина» и «истинного Тела и Крови Христовых», описываются Святые Дары после преложения.

И как мы уже сказали выше, здесь, во Христе, антагонизм «существенного» и «видимого», их борьба, столь характерная для нашего падшего мира, пропадает. Более того, этот антагонизм сменяется неким таинственным единством, единством противоположностей, антиномией. В Святых Дарах таинственным образом единый Христос — и разделяется в жертвенном преломлении и истинно являет Себя во всецелой полноте, неделимости, совершенстве и жизни.

Кажущееся хлебом, видимое, ощущаемое и преломляемое как хлеб в действительности и по существу оказывается живым Телом Христовым. Хлеб мертв, но это Тело есть всецелая жизнь, в котором более нет места смерти — такова подоплека этой антиномии. Свмч. Игнатий вдохновляется антиномией «истинного» и «кажущегося»; и не просто вдохновляется, но он, несомненно, вписывает ее в евхаристический контекст, и возможно, он — первый, кто это делает. И возможно, это не случайно, ведь его послания столь проникнуты темой Евхаристии, все его богословие евхаристично и поднимает те вопросы церковной жизни, которые еще не стояли перед апостолами.

Говоря о том, что евхаристическое Тело Христово, то есть Святые Дары после преложения, не есть хлеб, мы сталкиваемся с еще одним фактом святоотеческого учения о Евхаристии. А именно, с фактом отношения к Святым Дарам до преложения, то есть к тем веществам, которым надлежит преложиться в Тело и Кровь Христовы. И то, что мы обнаруживаем, имеет важный богословский смысл.

Множество святых, и прежде всего при толковании молитвы Господней, будут задаваться вопросом: что есть хлеб? Что есть пища человека? И ответ их будет единодушен и, на первый взгляд, необычен: *земной хлеб — не хлеб, Христос — хлеб*. То, что по нашим земным понятиям называется хлебом, не есть истинный хлеб, но только само живое Тело Христово есть и называется истинным Хлебом, хлебом жизни — только оно есть *истинная пища человеческой природы*. Физическая жизнь не есть жизнь, — говорит свщмч. Игнатий Антиохийский. Физический хлеб не есть хлеб, — как бы отвечают ему позднейшие святые отцы. Как один Бог благ (Мф 19:17; Мк 10:18; Лк 18:19), так и один Христос достоин называться Хлебом в собственном и существенном смысле. *Всякий иной хлеб (т.е. земной) называется таковым лишь по образу, причастию и некоторому отражению свойств истинного Хлеба*.

Сам свщмч. Игнатий, живя во Христе и участвуя в Его жертве, желает стать «чистым хлебом Христовым». Но видимая «пища» львов, конечно же, не есть тот «хлеб», о котором говорит святой. Св. Игнатий говорит о хлебе в том высшем и совершенном смысле, в котором истинный Хлеб, Христос, противопоставляется хлебу земному, неистинному, неспособному напитать нашу человеческую природу.

Итак, эта «программная» евхаристическая антитеза (истинного и неистинного хлеба) проходит через творчество многих святых отцов, но эта богословская традиция начинается именно со свщмч. Игнатия Антиохийского.

Подводя итог, мы хотели бы еще раз подчеркнуть те базовые моменты в учении свщмч. Игнатия Антиохийского, которые, быть может, являются немаловажным вкладом в святоотеческую евхаристологию.

1. Общий евхаристический дух его посланий.
2. Теснейшая связь (до неразличности) тем Евхаристии и Церкви и вытекающая отсюда тема евхаристического единства.
3. Рассмотрение темы евхаристического единства через призму личного подвига христианина; тема личной жертвы как подражания Христу.
4. Евхаристическая укорененность личной жертвы, порождающая евхаристические образы «разрывания» (преломления) и «невидимости».
5. Общая антиномичность богословия св. Игнатия и вписанные в ее контекст евхаристические антиномии «существенного — видимого» и «Хлеба — не хлеба».

Источники и литература

1. *Игнатий Антиохийский, свц.мч.* Послание к ефесянам // Писания мужей апостольских. М., 2003. С. 331—340.
2. *Игнатий Антиохийский, свц.мч.* Послание к магнезийцам // Писания мужей апостольских. М., 2003. С. 341—346.
3. *Игнатий Антиохийский, свц.мч.* Послание к римлянам // Писания мужей апостольских. М., 2003. С. 352—357.
4. *Игнатий Антиохийский, свц.мч.* Послание к смирнянам // Писания мужей апостольских. М., 2003. С. 364—369.
5. *Игнатий Антиохийский, свц.мч.* Послание к траллийцам // Писания мужей апостольских. М., 2003. С. 347—351.
6. *Игнатий Антиохийский, свц.мч.* Послание к филладельфийцам // Писания мужей апостольских. М., 2003. С. 358—363.
7. *Иоанн Златоуст, свт.* Беседа на Евангелие от Иоанна Богослова. Ч.1. // Иоанн Златоуст, свт. Творения. Т. VIII. СПб., 1902. 1993 (Репринт).